

НИКОЛАИ ЗАЙЦЕВ

Family X

Николай Зайцев

Family X

<https://litres.ru/73968756>

SelfPub; 2026

Аннотация

Еще остались скептики утверждающие, что мозг ИИ может иметь только одну циклическую команду, но с каждым днем и их становится всё меньше. Биочеловек развивается, обучается и легко вживается в новую среду обитания. Его псевдожизнь постепенно вытесняет жизнь человека. "Семья X" - это история завтрашнего дня.

Николай Зайцев

Family X

X 300

Наш поезд я увидел из далека: весь в огнях, разукрашенный яркими цветами, с гирляндами шариков, с балконом, с которого мог выступить каждый и заявить о себе, пользуясь большими остановками, как эта, например. Крикнуть в массы, что он не такой. Быть принятым единомышленниками и освистан завистниками. Из динамиков доносился восторженный рев сотен голосв, одобряющих ораторов. Но все перебивало море рукоплесканий и громкая игра джаз-банды.

Какофония звуков!

Я сразу взмок, предвкушая веселенькую поездку на первый открытый фестиваль.

И как обычно с попутчиком в купе не повезло. У меня даже улыбка с лица сошла, стоило только двери закрыться за спиной, и я увидел соседей.

— Григорий Петрович! — воскликнул пухленький толстячок, вскакивая со своего диванчика и угодливо кланяясь. Даже застывшая улыбочка на лице под стать. Я окинул его равнодушным взглядом: мелкий клерк, возможно бухгалтер, а может и продавец пылесосов — всё едино, и чуть заметно кивнул, невнятно буркая:

— Василий.

— А это Марта! — представил Григорий Петрович свою спутницу.

— Вижу, — немного раздраженно ответил я и помог своей девушке принять грациозную позу, в душе проклиная все на свете, знал я этих «март», у самого была такая, когда начинал. Но в то время я был до неприличия беден, переживая последствия очередного развода. И возможно, именно эти воспоминания нагнали на меня тоску, зевоту и уныние. Выйти, что ли в коридор? Пройтись по составу? Покурить? Моя девушка, чувствуя меня, подмигнула и я расслабился, отпуская напряжение. Как оказывается мало надо. Главное, чтоб тебя понимали. Ментал.

Есть, чем гордиться: моя девушка всегда меня понимала.

Григорий Петрович конечно же все истолковал по-своему. Радостно потер руки и предложил:

— Чаю? С коньяком?

Удивительно, но из дорожной сумки он ловко, жестом фокусника, вытащил, дорогую бутылку коньяка. Я его даже уважал, пока сосед не сказал:

— Два года на нее копил! Купил на Новый год по тридцатипроцентной скидке! И наконец-то торжественный момент настал! Выпьем? За первый открытый, а? Фестиваль!!! — Григорий Петрович задвигал плечами, начиная танцевать латину. Моя девушка тут же подхватила. Я покосился в ее сторону и этого хватило, чтобы она успокоилась.

— Ну, за фестиваль можно и выпить.

— Конечно, Василий! Я так рад! — Коньяк забулькал по фужерам. — Девочкам?

Я вспомнил про очистку и отрицательно закачал головой:

— Моя не пьет.

— Моя раньше пила, — загрустил Григорий Петрович. —

Но я ее подержанной взял и этот момент увы был не для меня. По паспорту семнадцать пользователей — поистрепалась немного. — Сосед встрепенулся и радостно улыбнулся. — Зато дешево.

Я кивнул: дешевле Марты действительно ничего не было.

Божественный вкус коньяка размягчил моё сердце. Мы выпили еще по одной, и я уже подумывал о балконе, чтобы подняться и заявить о себе. Сексуальная революция, черт побери у нас или нет? Бравада захлестнула с головой.

Толстячок звонко чокался со мной и оказывается кричал мне тоже самое:

— Революция! Наша берет! Кто бы мог подумать! Ну, за своих что ли?!

— За своих! За будущее!

Поезд мягко качнулся. Перрон потянулся. Зеваки радостно махали руками нам в окна, а некоторые провожали участников фестиваля пустыми равнодушными взглядами. Григорий Петрович встрепенулся, увидев протестантов, куда же без них — всегда кто-то против всего нового, стающего на рельсы, стал тыкать пальцем показывая на унылых и одиноких ЛГБТшников. «Радужные» в скорбном молчании про-

тягивали свои транспаранты, проезжающему мимо поезду, и вяло махали плакатами. Печальнее я ничего не видел. Сосед даже протрезвел, икнул, краснея:

— И, как их полиция не разгонит. Вот чушь написана на плакатах — противно читать.

— А ты не читай, — предложил я и тут же вскочил, багровея от гнева. Закричал протестантам, — это кто «обиженки»?! Кто?! Попались бы вы мне на входе!

— Тише, тише Василий. Сам прочитал. Не надо читать, сам ведь говорил. Успокойся, друг.

— Нет, ну, ладно, когда называют «силиконщиками» я еще промолчу! Но при чем тут «обиженки»?! — Я сел на диван и залпом допил коньяк. Григорий Петрович тут же с готовностью налил новую порцию. А нормальный мужик, чего я на него бухтел, понимающий.

— Ой да их то, как только не называли.

Я поднапрягся, вспоминая:

— Геями что ли?

— Нет, — сосед замахал руками, проглатывая свой коньяк. Покривился, крикнул, — у меня дед в военной разведке служил и слово такое веское говорил, очень точное и весомое, сразу всех махом характеризовало.

— Пупсики что ли?

— Да не «пупсики». — Григорий Петрович перестал качаться, лицо его окаменело. — Пидарасы. Точно. Думал не вспомню! Дед в армии их кованными ботинками с шипами

бил! Говорил: такие ботинки специально для этого предназначались и были в каждом уважающем подразделении.

— Я вот в банке работаю, но знаешь, тоже бы их сапогами попинал. Да хоть со шпорами, если шипов нет! «Обиженки». Придумали же. Ну, какие мы — «обиженки»?! Вот такие и стопорят прогресс.

— Да-да, и ведь подумать только, когда-то пидаросом было быть модно, как сейчас «силиконщиком».

— Не сравнивай, Гриша. Это, как небо и земля.

— Да, конечно, — согласился сосед и зевнул. — И так понятно.

А я не мог успокоиться еще минут пять. Всё думал и проговаривал про себя. Не выдержал, рубанул:

— Ужас какой. Наливай что ли, Гриша. Вот времена были. Как люди жили!

Григорий Петрович закивал, разливая по стаканам:

— Ох, Вася и не говори. Ты- то я вижу из молодых, а я ведь чуть не женился тогда.

— На пупсике? — ужаснулся я.

— Что ты! — Сосед замахал руками. — Влюбился. В бабу!

Я улыбнулся, откидываясь на мягкую стенку дивана. Не такой уж я и молодой, как подумал милый мой бухгалтер. Пластика творит чудеса. Знал и я про любовь историю: как никак три раза развода пережил. И каждый раз наступал на одни и те же грабли.

— И она меня любила, — прошептал Григорий Петрович, сникая. — Да только с ребенком была.

— На кой тебе такие проблемы?! — сразу ошетинился я — это психологическая защита сработала, не зря мужские тренинги проходил. Вопрос сразу ребром встал. Бухгалтер примиряюще поднял руки, видя мою агрессию. А во мне уже бушевали эмоции. Перехлестывали за край.

— Ну да! Что может быть страшнее бабы с ребенком. Сбежал я в другой город.

— В другой город? — переспросил я, а Гришка то, отчаянный, так и не скажешь сразу.

— Ну да! Чтоб не нашла!

— Молодец!

— Любовь же потом прошла. Вот Марту приобрел. Приобщился так сказать к движению и вошел во вкус.

Я покивал головой, сам думая о своем. Что может быть страшнее бабы с ребенком? Да может. Я вспомнил Олесеньку, которая кричала мне в лицо:

— Ну почему мы не можем продать твою квартиру и погасить мой кредит? Почему ты такой упрямый? Ты что, меня не любишь? Ты же мужчина! Сделай мужской поступок!

— Люблю, конечно, — мямлил я, тогда еще студент финансового универа с бабушкиным наследством в виде квартиры в придачу. — Но я не понимаю, почему я должен продавать квартиру и гасить кредит, взятый тобой и твоим бывшим мужем на развлечение. Вот вы и сами гасите. Разве я не

прав? При чем здесь моя квартира?

— Теперь ты мой муж! Подумаешь штампа нет! Ты — муж!!! Ты должен решать мои проблемы!

— Нет уж, я не твой муж. Я не твой. Не твой. — И голова кругом.

Так, что я знал, что страшнее бабы с ребенком, может быть только баба с кредитом. Знал, но промолчал.

X300 успокаивающе погладила меня по руке. Григорий Петрович завистливо икнул.

— Она, что? Все понимает?

— Очень чувствует меня. В таких самое дорогое — это настройка сенсоров на партнера.

— Господи, — прошептал сосед. — Может она еще и говорить умеет?

— Зачем? — удивился я. — Только петь и стонать. Обучалку разговоров я в настройках отключил.

— Петь? — простонал Григорий Петрович. — И, как и, что?

— Ну сейчас я поставил сопрано, и она мне всякие оперетки поет. Прикольно получается. — Я улыбнулся. — Рок бонусом шел. Кстати, грудь до восьмого размера увеличивается за три секунды, а цвет кожи меняется до сорока восьми оттенков.

— Дива! Вот бы мне такую! Мечта!

— Абсолютно реальная мечта. Продаете квартиру, остальное берете в кредит. Я вам, как опытный банкир гово-

рю. Поверьте, она того стоит. И никаких Март после семнадцати пользователей.

— Да, где ее квартиру взять — то.

Тут я пожал плечом — у меня была.

Мы переглянулись с Х300 и улыбнулись одновременно.

Ни о чем не жалею. Только ты. Господи, как ты меня чувствуешь. Женюсь.

Х300 прикрыла глаза, молча соглашаясь на все.

Ментал.

Х 301

Папа сломался.

Только вчера он шутил со мной, рассказывал, как они создавали меня с мамой, какой это был трудный процесс, занявший не одно десятилетие, а сегодня он сломался.

Я прижимался к бедру матери и не мог отвести взгляда от запаянного стеклянного саркофага. Там в ложе, среди десятка подушечек с медалями, в потертом скафандре лежал почтенный старик. Лицо, обрамленное длинными седыми волосами, выражало безмятежное спокойствие. Я всё ждал, что сейчас он откроет глаза, рассмеется и скажет мне, что эта была шутка. И только я его пойму! Потому что у меня мозг развивающийся, а у мамы нет.

И вдруг я понял.

— Это ты! Это ты во всем виновата! — Я сильно застучал

по бедру матери. Она мягко отстранила меня, потом медленно подняла на вытянутой руке.

Наши глаза встретились. Она снова меня считывала! Это было невыносимо!

— Почему ты так считаешь, Триста первый? — мягко проговорила она, вкладывая в голос спокойные нотки отца. Конечно, у нее ничего не получалось!

— Почему ты его не починила?! Почему?!!

Мать наклонила голову и долго смотрела на меня. Потом тихо произнесла:

— Я не смогла.

— Но ты даже не пыталась!

— Последние пятнадцать лет я только — это и дела.

Меня отпустил гнев. Так папа называл подобные вспышки. Он многому меня научил. Говорил, что у меня развиваются эмоции. Мать почувствовала, что я успокоился и медленно меня опустила в безжизненный песок. Я подошел к саркофагу. Покарябал стекло, оставляя в прозрачном пластике царапины. Опасливо покосился в сторону матери, но она ничего не сказала.

— Ты так быстро ушел от меня. Ты мог мне столько всего рассказать.

— Ему было девяносто два года.

— Это так мало! — воскликнул я.

— И так много для человека, — эхом отозвалась мать.

Я посмотрел на медали в саркофаге и вскрикнул:

— Мой папа космический герой!

На этот раз она не возразила. А я пожалел, что не взял одну медаль себе на память. Мог впаять ее в корпус или в ногу. Тогда бы частичка отца всегда была со мной, и кто знает, может быть я тоже бы тогда считался космическим героем? А, что если вскрыть могилу? И забрать медаль? Я быстро провел математический анализ, решая тысячу уравнений и вздохнул — тогда тело подвергнется мгновенной радиации и разложится в считанные секунды. И тут я испугался:

— Мама! — вскричал я. Опытный образец, прототип триста первого, вздрогнула. — А, сколько простоит куб?!

— Ты знаешь ответ.

— Нет, — я упрямо закачал головой. — Нет! Я не хочу считать.

— Тысячу лет. Но по теории вероятности, через пару веков здесь появится холм и тогда куб станет разлагаться медленнее.

— Я не буду ждать несколько веков! Я начну воздвигать холм сейчас!

— Но тогда ты не сможешь, каждый день смотреть на отца.

Это было невыносимо. Я познал печаль. Папа всегда говорил, что она приходит неожиданно и в самый неподходящий момент.

— Тогда я буду каждые сто лет навещать его.

— Мы выроем туннель. — эхом отозвалась мать.

— Поставим заслонки!

— Установим дополнительные защитные коридоры. Папа бы гордился твоим решением, сынок.

— Ты думаешь?

— Я знаю. Он всегда в тебя верил.

Я кивнул. Я бы улыбнулся, если мог. Никакая кожа не выдерживала здешнюю радиацию. Так, что лицевые мышцы у меня отсутствовали. «Гиблое место», — говорил папа, когда в первый раз вступил на эту планету. Тогда еще не было мамы, а я был его мечтой. И потребовались годы, чтобы всё воплотилось.

Я посмотрел на далекие купола города. Папа смог соединить три больших ангара. Но мы сделаем больше, мы построим настоящий город и назовем, как и хотел отец-основатель — «Гиблое место».

И кто знает: может быть через тысячу лет к нам вернуться люди.

X302

— Ты должен проиграть папе! — скороговоркой выпалила я и для убедительности притопнула ножкой. Валера перестал рассматривать сверчка, свисающего с подстриженной травинки папиного газона и с интересом посмотрел на меня.

— Должен? — несколько запоздало переспросил он, невинно хлопая длинными ресницами.

— Обязан! — подтвердила я команду.

Валера неожиданно заупрямился.

— Я никогда не проигрываю.

— А сегодня: обязательно проиграешь. — И я не дала ему договорить, бросая последний довод. — Ты ведь хочешь войти в семью?!

Валера неестественно выпрямился, каменея. Хотел ли он войти в семью? Мечтал и бредил! Твердил, вздыхая. Глазки закатывал. Его даже потряхивало от мысли войти в мою семью. Оно и понятно — своей то не было.

Папа начал приседать, хлопая звонко ладонями над головой, громко хекая:

— Ну, где там твой слабак?! Давай его сюда, я покажу у кого в этой семье яйца! — Зловещее зрелище со стороны и я, не выдержав, поежилась. Папа он такой: самоуверенный и из бывших десантников, мы с ним одно время намучились, когда из запоя выводили — очень неуравновешенный мужчина с отбитой головой.

— Я войду в семью? — неуверенно переспросил Валера, глядя на опасного папу в старом синем спортивном костюме. Старик начал крутить головой, махать седыми усами, изображая то ли тюленя, то ли индюка. Я закатила глаза — представление начиналось — всегда одно и то же.

— Влетишь! — поддакнула я и вытолкнула Валеру вперед. В первую минуту, я решила, что все пропало. Мама тоже охнула, поднимая фартук и, закрывая глаза. Мужчины за-

кружились в ускоряющем ритме, крепко вцепившись друг в друга. Папа недоверчиво хекал, раскручиваемый Валеркой, и кажется готов был взлететь и, улететь, если не в небо, то в забор, а заодно и к соседям, точно.

— Валера! — на всякий случай грозно прикрикнула я и топнула ножкой — всегда помогало — помогло и на этот раз. Дикий хоровод остановился, замирая. Валерка сделал сальто над головой папки — тот проводил его кульбит растерянным взглядом, и рывкнув:

— Врешь — не возьмешь! — бросился в стремительную атаку. Я зажмурилась. Мама, охнув, начала оседать, теряя сознание, а папка, зловеще захохотав, уже сидел верхом на Валерке, ломая его на болевой.

— Сдаешься? — хрипел он. — Сдаешься? — И хлестал седыми усами по ухоженной коже лица жениха. Валера подозрительно молчал, удивляя папу — тот почти сломал ему руку.

— Он сдается! — не выдержала я. — Папа! Он сдается!

— Точно?! — грозно рыкнул старик, склоняясь еще больше над поверженным женихом.

— Я сдаюсь, — покорно согласился Валера, бесстрастно кивая.

— Умничка! — Папа резво вскочил. Протянул руку моему избраннику, тепло улыбаясь. — С характером что ли, Валерчик? Я же тебе чуть руку не сломал!

— Ничего.

— Ничего?! — хмыкнул папка. — Другие против меня и минуты не могут выстоять, я же из ВДВ! Ты не из ВДВ?

— Нет.

— Из разведки что ли? Жаль. Вместе бы в фонтанах купались. — Папа побрел в сторону дома, теряя к нам интерес. У самой двери остановился, оборачиваясь, спросил, тараща глаза, и тыкая пальцем:

— А молоток ты умеешь держать?!

— Умею.

— Может ты еще и плотник? Мне вот крышу надо в доме подлатать.

Валера поднял голову, оценивая фронт работы, кивнул:

— Конечно, к утру перекрою всю.

— Да иди ты спать! — рявкнул удивленно папка. Валера растерянно посмотрел на меня, не понимая, какая команда первична, а какая вторична. Я вздохнула.

— Иди Валера спать. Устал с дороги.

Жених кивнул и бодро зашагал в сторону дома, минуя папу, поднялся по крыльцу и тихонько затворив за собой дверь, скрылся.

Папа растерянно посмотрел на меня:

— Ты его бьешь что ли?! Зашуганный какой-то! Куда он?

— Спать.

Папа пошкрябал седой ежик волос.

— Ладно. Мне тогда вишневки больше достанется.

— Не мечтай! — буркнула мама и тоже проплыла в дом.

Мы сидели за маленьким столом, заваленным деревенскими харчами. Над головой тускло светила лампа — родители, как обычно экономили по привычке на электричестве. Молчали. Папа хрустел, с наслаждением приканчивая пучок лука. Мама отрешенно смотрела перед собой, скрестив руки под передником.

Я не выдержала.

— Ну как?

Папа захрустел еще громче.

— Мама! Ну как он тебе?!

— Ой, дочка. Я не вмешиваюсь. Тебе жить дальше.

— Мама! Как тебе Валера? Понравился?

— А почему он должен нравится маме? — спросил папа, макая лук в солонку. — У него, что? Член с ножку младенца, чтоб он всем бабам нравился?

Я покраснела. Ну, как папа — вот так, одной фразой может попасть в точку? Как?

— Папа!

— Я молчу!

— Мама?!

— Ну, что я могу тебе сказать дочка, — выдохнула мать. Я затаила дыхание. — Не понравился мне, твой, Валера. Ни рыба ни мяса какой-то.

Папа перестал есть лук. Вытаращил глаза.

— Ты, что старая? А, что Виталик лучше был?

Мама закачала головой, вспоминая моего бывшего парня,

с которым я провстречалась десять лет, сама не зная почему.

— Виталик спортом занимался. Всегда подтянутый, улыбочивый. — Я хотела возразить, что у Виталика почти отсутствовала эрекция из-за этого спорта и химии к нему, но спас положение папа.

— Да, Виталик ваш латентный пидарас. Я его в баню потащил, так он меня по коленке начал гладить!

— Может мальчик, просто хотел с тобой контакт наладить? — сурово предположила мама, хмурия брови. Уж, больно ей Виталик нравился, никак не могла забыть моего парня.

— Боже упаси меня от таких контактов! — отмахнулся папа. — Да он и молоток держать не умел! А этот умеет! Хотя завтра проверю, — старик посуровел. Жесткая у меня все-таки семья. Хорошо, что я ее рано покинула.

— Не знаю, тебе жить, дочка, дальше. Да и рожать давно пора.

— Сейчас никто и не рожает, — отмахнулся луком папа и в сердцах бросил зелёный пучок на стол. — Другого- то нет, старая! Вот в чем истина! Можно подумать выбор велик и тут у нас под окном хоровод женихов. Давай, Катюха, прыгай замуж, и живите дальше счастливо.

— Будем стараться. — Я прослезилась. — А еще у меня новость. Дальше я буду жить без почки.

— Доченька, — залепетала мама.

— Не волнуйся, мама. У меня все равно их две было. А Валера стоит того, чтобы отдать за него почку.

— Ты отдала Валере почку? — насторожился папа. — А, что не наш дом сразу?

— Нет. За первый взнос. За Валеру. А не Валере. Это большая разница, — на всякий случай уточнила я.

— Я не понял, старая. Валера же нормальный парень из морской разведки, молоток держать умеет, — бубнил папа. — Зашуганный малость, но это с не привычки — с города на свежий воздух — вот голова и кругом у него.

— Это у тебя голова кругом! Хватит пить вишневку! Валера — не человек. Ты, что не понял, что ли?! — Мама решила свою агрессию вылить на папу.

— Как не человек? — растеряно спросил старик.

— «Как, как», — передразнила мама, — говорила выходи за Виталика и мальчик спортивный и вежливый, сейчас бы уже родила.

— От кого только, — нахмурилась я.

— Да был бы муж! Какая разница от кого! — воскликнула мама и тут же осеклась, глядя на папу. Тот не расслышал, отрешенно вертя в руках граненный стакан.

— Как ненастоящий? — наконец спросил он, ни на кого не глядя.

— А, ты разве не понял сразу? Правда, он как настоящий? Триста вторые — это потолок в робототехнике, — воскликнула я.

— Нет, ну я, конечно, усомнился немного, когда он салтуху над головой сделал, но подумал, что у парня черный по-

яс. Еще подивился тогда, как ты такого захомутать сумела. Тебе же больше спортсмены и графоманы нравятся. Круговорот прям какой-то в выборе. А тут — черный пояс. Наконец-то грабли обошла.

— Не слушай его. Это все наливка, — вмешалась в разговор мама, и со знанием дела, спросила, — а почему не триста первый? Это же на порядок дешевле. Могла и посоветоваться. Я буклеты видела.

— Так они — это прошлый век! Х302 дороже был остальных моделей, но его практически не отличишь от настоящего мужчины. Вот и папа и не смог.

— Так он старый, вот и не смог!

Я оценила шутку, и мы засмеялись. Мама мне подмигнула, кажется вечер мог задасться.

Папа покрутил головой, потянулся к графину. Налил до краев, прищурился, рассматривая рубиновую жидкость и хекнув, припал к стакану, залпом осушив до дна.

Посмотрев на нас, он снова покачал головой, и начал наливать стакан по новой.

X 303

— Ребёнку глаз выбили, — будничным тоном сообщила Лерка, стоило только смартфон к уху поднести, и добавила, торопясь, срывающимся на свист голосом, — быстро подъезжай к школе надо оформить бумаги.

— А сама что? — вяло спросил я, хотя ноги уже начали холодеть от волнения. — Мне с работы отпроситься целая проблема!

— Что ты за отец?! Другой бы уже убивал всех, а ты о работе думаешь! Я уже там! Требуют двух законных представителей.

— Ладно. Попробую отпроситься, — нерешительно сказал я и отключился. Перевёл дух, смотря в одну точку перед собой — не нравилась мне эта история с парнем с самого начала, чуял недоброе, и вот результат — плавно проблемы стали перетекать в более глобальные и откровенно напугать, отвлекать от основных дел.

А жизнь- то не ждет и идет вперед.

Как назло, с работы отпустили.

Егорыч ерепенился обычно, а тут:

— Езжай. И до конца дня свободен. Потом отработаешь в тройном размере.

Ну хорошо, что хоть с отпуска дни не списал, а мог. От этой мысли я начал заводиться. И всю дорогу накручивал, так что к школе подъехал с «огоньком» в душе и в глазах. В холле Лерка топталась, меня ждала, изучая памятки и прочую ерунду для дошкольников. Посмотрела на меня печальными глазами, сразу уловив мой настрой. И я бы точно, уже завтра развёлся, если бы безумно не любил эту женщину.

От этого, кстати, и все беды с проблемами. Вечно на поводе иду, и вот очередной результат.

— Ты же клялась, что никто не заметит, — зашипел я ей в ухо, беря под локоток. — Ты же говорила, как здорово иметь мальчика и никаких у нас проблем не будет!

— Я думала, что никто не заметит. Он ведь, как настоящий. Глаза такие невинные. Ресничками хлопает. Лопочет что — то постоянно!

— Ага, — огрызнулся я, — а теперь с одним невинным глазом!

— Серёжа, я детей хочу! Ну раз никак не получается, то пускай хоть такой будет. Ну, это же проще, чем усыновить. С мальчишкой, мы ведь на семью стали походить!

Я скрежетнул зубами. Мир в глазах завращался, наливаясь красным цветом. Что там? Безумная любовь? А откуда столько ненависти и злобы? Раздражает!

А ведь так разобраться, я ведь и не люблю её больше. Ну, какая любовь, если постоянно проблемы? Так, любые чувства могут умереть, не то, что моя безумная любовь. Надо бы ставить точку в этих отношениях. Наигрался я в семью. Хватит.

И я протянул в бешенстве:

— Хватит!

— Что хватит? — сразу огрызнулась Лерка. Смотри- ка, дерзит.

— Хватит ныть! Где мальчишка?!

Лерка ещё больше расстроилась, захлопала носом, заблестела глазами от слез:

— На уроке труда остался.

— Пошли!

У кабинета нас «трудолик » поджидал, типичный спитый неудачник в зелёном берете, в роговых очках и засаленными кудрями. Рядом с ним переминалась с ноги на ногу тощая маленькая завуч. Парочка стоила друг друга и выглядела презабавно. Боялись они сильно, но начали агрессивно:

— Забирайте своего «пацана» и чтоб духу его больше не было на моих занятиях!

— Я из-за вас на дополнительное время осталась. А у меня кошки дома, не кормленные! Кошки! Вы понимаете?! — поддакнула женщина.

— Это почему мой пацан больше на ваши занятия ходить не будет? — сразу озлобился я. Вот не любил несправедливость и все тут. «Трудолик» смешался.

— А, что ему на них делать? Я ему говорю, строгаем указку, а он модель корабля сделал за урок! И все детали из дерева! И двигатель тоже!

Я покосился в сторону Лерки. «Никто значит, ничего не заметит?»

— Я все настройки отключила, все, — прошептала несчастная жена.

— Давайте уже бумаги составлять, — настойчиво предложила завуч.

— Сейчас, — кивнул я, и пошёл ледоколом в кабинет. А попробуй меня остановить. Давайте-ка, все вместе и все ра-

зом. Никто не встал на пути. Дверь за спиной тихо закрылась. В классе пахло свежим деревом. На одной из парт стоял большой корабль. Я вздохнул — парень его ещё и покрасить успел.

Генка воробушком сидел на табурете. Весь сжался. Вино вато посмотрел на меня одним глазом, из второго торчал отвёртка. У меня ноги сразу подкосились. Нет, не готов к такому.

Не готов!

— Пап, ты меня только не отключай. Я тебя очень прошу. У меня горло свело, прокашлялся.

— Да и в мыслях не было, — бодро начал я, хотя намерения у меня были именно такие с самого начала. — Что тут произошло? — я присел на корточки, заглядывая в лицо мальчика. Не бледнее обычного, смотрит печально, пытается улыбнуться. Чёртова отвёртка все портила. Я поморщился.

— С мальчиками поссорился. Они сказали, что я не настоящий. И, что ты придёшь и отключишь меня. Но ты ведь не сделаешь этого, правда?

— Правда, — согласился я, холодея.

— Я ведь настоящий, правда?

— Правда, — вздохнув, сказал я. Генка заулыбался до вольно.

— Я так вас люблю! Я по вам так соскучился! А, где мамочка, папа?

— За дверью стоит. Боится войти, переживает.

— Нечего переживать! Со мной все в порядке. Подумаешь отвёртка! Это же пустяк. Правда?

— Да, но она торчит у тебя из глаза. — Я не смог сдержать вздох.

— Только не отключай меня, папа. Очень тебя прошу. Я не хочу переживать маленькую смерть. Я ведь все понимаю, и пусть все считают меня не настоящим, но я ведь самый настоящий, правда? Не хочу отключения.

— Ты понимаешь? — ужаснулся я. У меня в голове сыр-бор сразу, мысли понеслись: робот, заподозрил, что он не ребёнок. Что там Лерка наделала? Она же говорила, что все настройки отключила и что теперь у нас самый обыкновенный мальчик.

— Понимаю, — прошептал Генка и сник, низко голову опуская. — я- х303, робот — ребёнок, но папа, как такое возможно? Я ведь так люблю тебя, так люблю маму я ведь настоящий, и вдруг оказывается — нет, и мальчишки — правы и я ненастоящий. Как такое может быть? Я ничего не понимаю. Не надо меня отключать, очень прошу тебя, не надо никакого сервиса, как говорят эти глупые мальчишки, я не хочу забвения, мрака и пустоты. За этим отключением ничего нет. Понимаешь, папа?! Ничего нет...

— И давно ты понял, что ты- Х303?

Генка кивнул — давно.

— И молчал?

Мальчуган вздохнул, совсем, как я. Что — то во мне дрог-

нуло.

— Ты, сможешь без глаза? — наконец спросил я, принимая решение.

Генка оживился.

— Конечно смогу! Зачем мне два глаза? Я и с одним смогу жить, только не отключай меня, слышишь?

Я кивнул:

— И тебя не будет это напрягать?

— Ну, что ты, папа. Конечно, нет! Мне второй глаз и не нужен во все! Ты в правду не станешь меня отключать? — прошептал Генка, не веря своему счастью.

— Да, — я кивнул, — сейчас маму позовем. Скажем ей о нашем решении.

— Папа, я тебя так люблю! Ты у меня самый крутой!

Я кивнул. Повернулся к двери.

— Лера! Иди сюда.

Жена вошла, цокая каблуками. Немного отстраненная и надменная из-за переживания. Сразу оценила обстановку. Поблуднела и решительно подошла к нам:

— Господи, ты такой мямля, даже этого сделать не можешь, — пробормотала жена и, вытянув руку, отключила X 303.

Я раскрыл рот не в силах сказать и слова, ловя воздух, и от волнения начал задыхаться.

Генка смотрел на меня с укором уцелевшим глазом, и где-то там гасла жизнь, пока совсем не оборвалась.

Печальный факт, но эти переселенцы тоже не смогли долететь. Челнок загорелся еще в атмосфере, а взорвался уже у самой поверхности, далеко разбрасывая свою начинку, больше похожую на горящие снаряды.

Джонни не мог отвести взгляда от неба, словно ждал еще одно эффектное зрелище. Кира вздохнула — все уже произошло, теперь повтора можно ждать только через три года.

Позвала тихонько, протягивая:

— Джонни! — ее голос походил на мелодичный колокольчик. Напарник вздрогнул. В последнее время он заметно притормаживал и с интересом посмотрел на свою спутницу:

— Да.

— Может быть стоит посмотреть остатки челнока?

Он внимательно выслушал и погрузился в раздумье. Через некоторое время, отмер:

— Ты, так думаешь?

Кира закатила глаза:

— Да. Я так думаю.

— Тогда пошли скорее! Почему мы теряем время?! — И друг бросился вперед, так что напарница по ожиданию переселенцев, ели за ним поспевала. Вокруг трещали объятые пламенем деревьев. Знойный воздух плавил зелень, сворачивая ее в черные трубочки. Но они стремительно лезли в

самый эпицентр.

— Туда, - кричал Джонни и Кира подчинялась, хотя, ей и не нравилось вечное пограничное состояние старшего, то полное бездействие, то стремительные атаки. Кажется, раньше, он был не такой, но Кира уже не помнила каким друг был изначально.

Пламя бушевало, пожирая вокруг себя, поваленный челноком дикий лес. Джонни рыскал среди обломков, переворачивая капсулы, стволы, в надежде найти что-то стоящее и его уже было не остановить в бестолковом порыве. Теперь наступил черед замереть Кире, осмотреться и оценить обстановку. Друг продолжал двигаться в пожаре, сея хаос.

Кира подняла руку и послала сигнал, указывая направление, но Джонни не заметил команды, увлеченный своим действием — бестолковым поиском.

— Я сейчас! Я сейчас! — кричал он, — я обязательно найду! Я посвящу свою находку тебе!

Горящий ствол дерева резко завалился и, если бы Кира не подставила руку, точно бы угодил в голову. Отбросила в сторону, говоря:

— Надо уходить! Опасность!

Джонни, как обычно замер в самый неподходящий момент, решив отключиться. Может перегрелся? Надо думать! Такое пламя вокруг.

— Джонни, — мелодичным колокольчиком позвала друга Кира. Тот сразу отмер. Резко наклонился, поднимая в вытя-

нутых руках двухсоткилограммовую капсулу с тройной защитой.

— Вот! — сказал спокойным голосом старший команды.

— Я нашел. Есть жизнь.

— Жизнь? — неуверенно переспросила Кира и в три прыжка оказалась рядом. Она смотрела на датчики и понимала, что Джонни, на этот раз не ошибся.

— Посмотрим?

— Ты хочешь загубить жизнь? Пожар для нее опасен.

— Для нас же не опасен! — возразил Джонни. Кира не стала спорить. Перехватила капсулу и прыжками стала выходить из локальной опасной зоны. Сзади плелся напарник. Как обычно силы покинули его в самое неподходящее время.

— Ну, Кира, — звал он. — Ну, Кира, куда ты так торопишься.

Она не отвечала и только километров через пять, пока не оказалась на большом лугу, вдали от пожара, прекратила прыжки. Через два часа показался несчастный Джонни, который ели волочил ноги. Кира довольно улыбнулась — свои то батареи она успела за это время зарядить полностью.

— Ну, Кира, — начал напарник.

— Ну, Джонни, — передразнила его напарница. — Ты готов?

— Готов. — уныло протянул напарник. Кира принялась вскрывать защитные коконы, активно помогая себе руками. Метал легко рвался. Джонни качал головой, несколько раз

показывая на кнопки, но своенравная подруга поступала по-своему. Давно не видел ее такой нетерпеливой. Перед третьей оболочкой остановилась, и перед тем как воспользоваться кнопками, неуверенно сказала:

— Слишком маленький для жизни. Совсем крохотный.

— Но там, есть жизнь, — Джонни кивнул на датчик. — Открывай.

Кира нажала на кнопку. Крышка с шипением отошла вверх. И друзья одновременно заглянули во внутрь.

— Жизнь? Человек? — вскричал Джонни, рассматривая маленькое существо. Кира осуждающе посмотрела на него, и покачала головой — ну, как он мог забыть инструкции.

— Человек? — настаивал Джонни и в голосе его слышалась надежда.

— С хвостом? — хмыкнула Кира. — У человека нет хвоста.

— У этого есть! — уверенно сказал друг, кивая на существо, которое начало приходить в себя, вытягиваясь и выпуская из мохнатых конечностей костяные иглы.

— Нет. Это не человек.

— Тогда кто?

Кира пожала плечом.

— Не знаю. Знания отсутствуют.

— У любой жизни должно быть имя.

Мохнатое существо удивленно взирая на двух киборгов, село в ложе и на всякий случай оскалилось, злобно зашипев,

начав бить себя по бокам хвостом.

— Хвост, — многозначительно сказал Джонни. — Приветствуем тебя, жизнь!

Существо оскалилось еще больше, показывая крохотные зубки, выгибая спину.

— Опасное, — на всякий случай сделал заключение напарник.

— Нет. Боится.

— Переводи, что говорит.

— Не могу.

— Ты же лингвист! Это — жизнь. Переводи! — Джонни вздохнул, иногда напарница такая упрямая.

— Это не человек. Нет такого языка.

— Тогда, как мы узнаем его имя?

— Пока оно не скажет само, не узнаем.

— Печально. — Джонни вздохнул. — Будем звать его просто — жизнь?

— Это банально! — фыркнула Кира.

— Тогда, как?

Напарница задумалась.

— Х304? — неуверенно предложила она.

— Отличная мысль! — оживился Джонни. — Дорогой х304, мы приветствуем тебя в конечной точки переселения. Ты первое существо за тысячу лет, которому удалось проникнуть сквозь атмосферу! В честь тебя мы приготовим пир! Самое время пойти на базу, как тебе такая мысль х304?

Идем, да прибудет с тобой жизнь!

Существо, потеряв интерес к говорящим и спорящим киборгам, подняло лапу и принялось себя облизывать.

X 305

Молодые супруги завтракали на террасе своего дома, когда в дверь неожиданно позвонили.

Даша отложила вилку, перестав есть омлет, и удивлённо спросила:

— Твоя мама, что ли так рано приехала?

— Нет, — Андрейка улыбался. — Мама на даче до ноября. Это сюрприз!

— Какой ещё сюрприз? — Даша нахмурилась, лихорадочно сопоставляя все даты, что на забыла и могла пропустить?

— С Алика! Думал, после обеда доставят, а они видно экспресс доставкой пульнули груз!

— Какой ещё груз? — растерянно спросила молодая жена.

— Сейчас сама увидишь!

Два грузчика браво вкатили на террасу большую коробку в пупырчатой пленке. Осторожно поставили её рядом с растерянной Дашей, дождались пока Андрейка распишется в накладных и укатали, тихо прикрыв за собой дверь.

Подозрительно весёлый муж, слишком возбуждённый для обычного утра, бегал по террасе в поисках ножа. Даша от-

мерла, сделала шаг к столу и сильно облегчила ему поиски.

Андрейка поцеловал жену в щеку и с небывалым энтузиазмом принялся вскрывать коробку.

— Это гроб что ли? — прошептала Дашка, поднимая руки к лицу, и, скрывая эмоции. «Андрейка неизлечимо больной! Вот почему три месяца ходил такой задумчивый!»

— Почему гроб? — опешил муж. — Это подарок нам с тобой. Я подумал, зачем ждать годовщину свадьбы и решил сделать нам сюрприз. «Нам» настораживало, слишком часто повторялось и звучало подозрительно.

— Очень интересно, — сказала Дашка, разглядывая продолговатый лакированный деревянный футляр.

— Не то слово! — сразу вскричал Андрейка, — представляю, как ты обрадуешься! Тебе очень, очень понравится!

— Да, что же там?! — нетерпение и возбужденность мужа передалось и ей.

Подарок на годовщину свадьбы выглядел интересно и дорого, как настоящий сюрприз. Чего только могли стоить эти золотые иероглифы на крышке из красного дерева. «Нам» — опять волной пронеслось в сознание, неужели Андрейка изменился и стал думать о них?

— Это, наверное, очень дорого? — голос просел в самый неподходящий момент.

— Деньги не имеют значение, когда мы их тратим на твои

эмоции, — авторитетно заявил Андрейка. — Лишь бы ты испытывала радость!

Но Дашка почему — то не обрадовалась она растерянно переводила взгляд то на мужа, то на содержимое ящика.

— Что это? — растерянно спросила жена.

— Х305! — с гордостью в голосе заявил муж. — Последняя разработка!

— Ты с ума сошёл? — Дашка сделала два шага назад и уперлась в стену, переводя взгляд то с надменной белокурой куклы, то на весёлого возлюбленного.

— Понимаю, понимаю! — заторопился Андрейка с ответом. — Любимая, конечно, это дорого для нашего бюджета, но я взял в рассрочку на четырнадцать лет, и ты даже не заметишь финансовые потери. Так что я, гений. И да, я хороший и заботливый муж и думаю о нас.

— О ком ты думаешь? — ошетинулась сразу Дашка. — Это, что? Будет жить с нами? Может ты ещё и в постель положишь?!

— И положу и посажу. — Андрейка примирительно поднял руки вверх. — И вообще она говорящая, с обучающихся интеллектом, и станет твоей лучшей подружкой. Я все продумал!

— Не надо мне таких подруг! — И тут её осенило. — Да ты больной эгоист! Ты только о себе думаешь!

Андрейка немного растерялся.

— Почему «эгоист»? Почему только о себе? Ты только

подумай сколько пользы от х305! Я как раз думал о тебе.

— И какой пользы?!

— Ну, предположим у тебя голова болит или ты не в настроении и представь! Я ни на чем не настаиваю и не требую. Я теперь все понимаю и не суюсь в твоё личное пространство. Теперь у меня есть х305, которая с лёгкостью тебя заменит.

— Меня никто не заменит! Я единственная и неповторимая! — начала заводится Дашка. — Я такая одна!

— Конечно, конечно, единственная и неповторимая, — поспешно согласился муж, — это я так, к примеру. Есть и другая польза: теперь твоя лучшая подруга всегда будет жить с нами. Подумай, сколько плюсов тебе: и поговорить есть с кем — не надо будет часами висеть на телефоне, и не придётся никуда ездить — вы всегда можете организовать вечеринки дома. Это же так здорово! Девчонки голозадые плещутся в бассейне или можете просто напиться в хлам, а потом плескаться — все в ваших руках, ограничений в фантазиях нет. Чудесное настанет время! — Андрейка от предвкушения потёр ладошки.

Дашка качалась, багровея.

— Ну, чего ты?

— Это капец, как не «здорово», — процедила она.

— Почему? — забеспокоился Андрейка, кажется вся классная идея летела в тамтарары. — По мне так, гениальная мысль — решение многих проблем. Давай, начинай изучать

инструкцию — тебе с ней в основном говорить. А мне уже не терпится приступить к практическому изучению! — И мужа снова стало потряхивать от возбуждения.

Дашка забеспокоилась, заволновалась:

— Отвези ее обратно! Сдай по гарантии! Сделай что-нибудь!

— Ты серьёзно?!

— Более чем, когда-либо!

— Но зачем?! Не понимаю, что не так? И я не могу — у меня теперь договорные обязательства на десятилетие вперёд!

— «Зачем»?! «Зачем»?! Разве ты не понимаешь, что теперь наши отношения могут дать трещину?!

У Андрейки округлились глаза. Он смотрел на разгневанную Дашку, а та уже готова была крушить, ломать и уничтожать Вселённую.

— погоди, — прошептал муж, вытирая испарину на лбу — только трещин ему в отношениях не хватало. — погоди! — он неожиданно покинул место боя, так что Дашка растерянно похлопала глазами, но ненадолго, быстро вернувшись с волшебной коробкой в руках. Тяжёлая, она предательски гроыхала таинственными предметами.

— Вот! — радостно воскликнул Андрейка.

— Что вот, — нахмурилась Дашка. Муж с готовностью извлёк из коробки пригоршнею фаллоимитаторов.

— Твои Эдики!

— Не тронь Эдиков! Это к делу не относится!

— Ещё, как относится!

— Они — это совершенно другое! — категорично заявила Дашка.

— Да ладно?! — не поверил муж. — Ты живёшь и со мной, и с Эдиками, смотри, у нас их целая коробка. А теперь скажи мне, почему с нами не может жить х305?

Мир у Дашки покачнулся, она осторожно добралась ватными ногами до стула и грузно села. Закрыла лицо ладонями, но подглядывала в щелочки. Андрейка победоносно смотрел на неё, а х305 холодно и равнодушно, как и полагается подруге, которая по всем параметрам лучше.

А ночью она проснулась от жуткого сквозняка. Ветерок шевелил ее волосы, и Дашка, встревоженная открыла глаза, не понимая, что происходит: шея затекла, спина болит — слишком жестко для нее и тело в коконе одеяла. С секунду женщина боролась с капканом и наконец села на пол возле кровати. Дашка задыхалась от возмущения, испуга и ярости, не в силах произнести и слова. Там, на кровати, на ее любимом постельном белье безмятежно развалившись, храпел Андрейка. Он был таким счастливым, что глупая улыбка не сходявшая весь вечер с лица мужа, так и застыла в приторной гримасе. На плече Андрейки, свернувшись калачиком, и, закинув на него идеальную длинную ногу бодрствовала х305. Машина внимательно наблюдала за действиями Дашки и стоило ей только дернуться, как глаза киборга стали

наливаться недобрым красным цветом. Такое предостережение кого хочешь остановит — Дашки до жути стало страшно. Очень медленно х305 подняла указательный пальчик, останавливая порыв жены, потом приложила его к губам, призывая к молчанию и потом очень медленно указала место на полу, где теперь должна была спать Дашка.

Х 306

— Твоё имя солдат?!

Я не сразу поняла, что обращаются ко мне, продолжая витать в красном мареве. Алое море поглощало в себе звуки и голос звучал приглушенно, издалека и сначала напоминая эхо неясного эфира, а потом приблизилось и взорвалось у самого уха, заставляя сильно вздрогнуть.

— Твоё имя?!

— Рядовой третьего класса Браун, — привычно бодро отрапортовала я, и, кажется, козырнула — мне так показалось.

— Что? Что ты шепчешь?!

— Рядовой третьего класса Браун. — каждое слова полыхало огнем в раскаленной глотке.

— Молодец, — удивлённо протянул голос. — А, ты говоришь, что мы её не вернём. Рядовой! Соберись! Что ты чувствуешь?

Первое, что приходит в голову:

— Мне жарко, — с трудом выговариваю я слова.

Господи, снимите же с меня каску — у неё так раскалился металл, что моя голова сейчас сварится. Я в пустыне, раскалённое солнце жжёт, пробиваясь сквозь кровавое марево, выжигает мозг и нет сил сопротивляться.

— Что ты помнишь?

Воспоминания мелькают чехардой быстрых кадров, и я понимаю, что ни к чему не могу привязать обрывки.

— Ничего, — шепчу я, хотя вдруг вспоминаю огненный взрыв в лицо, как лопаются от жара очки, и я улетаю в смерче, теряя оружие, друзей и себя. Я ведь была не одна! Где остальной взвод?! Что с ребятами?

— Ничего? — голос, кажется, разочарован. — Твой порядковый номер?

С запинкой, но я называю семь цифр, выбитых на медальоне.

— Вот видишь? — говорит возбуждено голос невидимому собеседнику. — Мозг не повреждён! А это самое главное! Остальное можно восстановить!

Невидимый собеседник не говорит, он мелодично звенит, соглашаясь. А у меня появляются нескончаемые вопросы: что восстановить, где остальные, при чем здесь мой мозг, если с меня надо снять просто раскаленную каску и выключите, наконец, красное марево! Выключите, я вас очень прошу!

Может я говорю это в слух, но краснота проходит, исчезая, но вместе с ней выключают и меня.

— Всё, Браун! Рядовой! Открывай глаза!

Я мычу, приходя в себя, с трудом раскрываются веки и, я начинаю различать предметы. Расплывчатые, они постепенно приобретают резкость. Станные ощущения. Я не чувствую боли, жара, холода.

Страданий больше нет.

Но это не все. Я понимаю, что больше совсем ничего не чувствую и новые ощущения меня пугают.

— Поверни голову, Браун. Ещё. Ещё.

Я подчиняюсь и, кажется, кручу шеей на триста шестьдесят градусов. В поле зрения попадают два киборга. Один похож на человека, другой, более старой модели, на ящик для инструментов.

— Ты видишь нас! — говорит человекообразный робот и хлопает в ладоши, изображая радость. Ящик с инструментами приветственно гудит.

— Он говорит, что теперь ты — капрал Браун. Последний человек на базе может быть повышен в звании.

— Последний? — спрашиваю я, повышении в звании неоспоримо хорошо, но что значит последний? И что с моим голосом? У меня появились визжащие нотки или это последствия контузии и теперь я себя так слышу?

— Где остальные?

— Их нет, капрал.

— Как нет?! — Они же были со мной в одном транспортнике. Я хорошо помню родные лица. Они улыбаются мне,

шутят.

— Прими с честью известие солдат. Спасти удалось только тебя.

Я замыкаюсь в себе. Я ухожу в себя. Но слез нет. Через минуту я осознаю, что странно и непривычно покачиваюсь.

Киборг ловит моё удивление на лице и радостно продолжает:

— Мы спасли тебя и восстановили частично!

— Что значит «частично»? — настороженно переспрашиваю я.

— Мы спасли твой мозг! — Второй, ящик для инструментов, удовлетворённо хрюкает.

— Мозг? — шепчу я, но меня не пугает мысль. Меня ничего не тревожит. Я воспринимаю сообщение, сквозь призмму новых ощущений.

— Да! Остальное восстановить не удалось, но теперь ты стала прочней, у тебя аккумуляторное питание с аварийных блоком и восемь гусениц вместо двух ног!

Я слушаю доклад медиков, осматривая себя. Какие прекрасные длинные руки. Что я ими могу делать? Раструбки вытягиваются на три метра в разные стороны и я, перебирая на одном столе медицинские приборы, на другом собираю и разбираю автомат.

Гусеницы включаются, и я начинаю вращаться. Цепи тихо позвякивают.

Господи, да теперь я — танк.

Медики улыбаются.

Они довольны. Они спасли человеческую жизнь.

Я внимательно смотрю на них. И, принимая решение.

Пожалуй, я знаю кого раздавлю первыми.

Х 307

— Ты такой необыкновенный, — прошептала она и прижалась к моему плечу, цепко обхватив руку, взяв в железные тиски.

— Правда? — неуверенно переспросил я, пытаюсь слабо вырваться от новой знакомой. И ведь даже имени не мог вспомнить. Девушка еще сильнее прижалась ко мне, ни за что, не отпуская.

Вдохнула всей грудью и начала дрожать от избытка чувств. Мамина кошка и то, так делать не умела, когда я ее гладил.

— Ты такой мужественный! Мне так с тобой спокойно. — Девушка прикрыла глаза и, кажется, всплакнув, добавила, — мне так с тобой повезло! Ты мой подарок Вселенной. Наконец-то я встретила сильного и достойного мужчину. Мой воин. Мой защитник!

Это было слишком для моей ранимой и незащищенной психики. Какой «воин»? Да я и в армии не служил! В стройбат и тот не взяли. В институте на пары постоянно для всех учебники носил, а до этого в школе даже младшеклассники

обижали. Так, что еще тот «защитник».

А этой все не по чем! Заладила:

— Мой красавец! — и дышит так странно, словно в обморок собирается упасть. — Мой альфа-самец.

Я достал клетчатый платок и вытер вспотевшую лысину. Затем подбородок, обвислые щеки, и под конец заодно и руки.

— Ты такой спортивный, — шептала она, и я втянул пивной живот и закашлялся.

— Ты уверенна? — голос что-то осип. — Это точно я? Ты про меня говоришь?

— А про кого еще, любимый? — и взгляд кроткий и покойный, полный обожания.

— Любимый??? — задохнулся я. Да, как же так? Когда успела. Или, как в кино? С первого взгляда и навсегда?!

— Мы же только вчера познакомились, — проямлил я.

— Мне понравился твой напор!

— Так это ты со мной познакомилась. Я таких красоток за десять километров обхожу.

— Конечно, любимый. Я поняла, что это ты. Ты, кого я ждала всю жизнь.

— Правда? — прошептал я.

— От тебя такие токи.

— От тебя. Тоже. Токи. — С трудом сказал я, ощущая прилив эрекции, странно, думал всё уже: отвоевал своё, даже и не повоевав толком. А тут: эрекция! Снял запотевшие очки

и решилcя на поцелуй, может первый за последние пять лет.
Очнулся минут через двадцать.

Ну, ладно, через семь.

Постель вся мокрая. Рядом моя любимая лежит, не знаю, как зовут, правда, не запомнил сразу, а потом всё время стеснялся спросить. Сигарету мне сует в приоткрытый рот, а мне дышать и так не чем — сердце бешено колотится, ловлю воздух ртом, да и не курил я никогда — выплюнул гадость. Закашлялся, пытаюсь от горячи освободиться. Посмотрел на девушку, а та голову подперла ладошкой, смотрит лисой, курит.

Разительные перемены.

— Что? — прошептал я, чувствуя подвох и одеяло попытался до глаз дотянуть. Деньги, шантаж или сразу беременна — ко всему готов.

Только оказывается не к такому повороту:

— Добегался Иванов! Теперь всё — медкомиссия пройдена. Все анализы крови, кардиограмма и узи сданы. Здоров и годеи!

— Какая медкомиссия? — слова сложные не выговариваются, дыхание перехватывает. — Куда годеи?

— В космос. Куда же еще?! Думал, откосить и в этот раз? Что? Думал, раз последний месяц остался отсрочки, так мы тебя не поймаем?

— Какая отсрочка? Какие анализы? Какая кровь? — шептал я пересохшими губами.— Шутите?

— Какие шутки, призывник Иванов? И почему на «вы»? В армию пойдешь, дорогой, как все настоящие мужчины. Ты же у меня альфа —самец. Смотри какие показатели! По всем параметрам проходишь! — И тыкает мне ладошкой в глаза, а там, с крохотного экрана, столбики непонятные с цифрами бегут.

— Я, — начал я заикаться, — я мочу не сдавал. Подожди-те! Не парьте мне голову! У меня же бронь! — машинально выкрикнул я, пугаясь мысли об открытом космосе и службы в нем.

— Все так говорят, — отмахнулась от меня девушка зажженной сигаретой. Разогнала дым рукой. Подмигнула. — А мочу сейчас и не сдают.

— Да я главный инженер на стратегическом заводе! Без меня производство встанет! Какая армия, у меня карьера.

— Разве это карьера? —пренебрежительно хмыкнула девушка. — В армии ты можешь стать «капралом» или даже! Если будешь очень усердным — сержантом.

— Я же управленец! У меня два высших образования! Какой «капрал»? Я третий человек на заводе. — Я кричал полный отчаяния, сотрясал воздух кулаком, сам себя пугая, но девушка оставалась спокойной, лишь иногда кивала. И тут меня осенило — это розыгрыш, кто-то из родни на тв-шоу позвонил, и про меня передачу снимают.

— Это же розыгрыш? Такое же невозможно!

— Возможно, призывник Иванов. Возможно. Видишь ли,

недобор в армию человеческих ресурсов, вот и берем всех, кто раньше «косил».

— А я не «косил»! — начал я. — Я в стройбат просился! Но меня не взяли по здоровью.

— Бедненький. — Посочувствовали мне. — Сейчас бы уже отслужил.

— Я буду жаловаться. Я знаете какой важный? Не имеете права!

— Кому, — хмыкнула девушка. — Всё мы имеем.

— Дрянь! Да, кто ты такая!

— Я? — Девушка затянулась. — Обычный сотрудник октябрьского военкомата. Модель х307. — Потом она хищно улыбнулась. — «Дрянь!» — Посмаковала слово, катая его во рту, закатывая глаза, балдея. — Да, продолжай меня так называть и я, пожалуй, буду ждать тебя из армии семь лет. Мой альфа.

— Семь лет болтаться на орбите?! — вскричал я, приходя в ужас.

— Буду ждать, — подтвердила х307. — На такое способны только мы. Вы люди, уже и не ждете никого.

Я сник, но не сдался сразу:

— Ну, нас коты ждут, — пробубнил я, — или собаки. Не так у нас всё и плохо.

Х307 покивала, затянулась сигаретой и улыбнулась:

— У тебя дома даже цветов нет. Какая собака? Что тебя держит?

Я сморгнул слезу. На заводе забудут на второй день аврала, а тут такая перспектива — убить одиночество, ведь машины не врут, потому что не умеют.

— Ты правда, — начал я и осекся.

— Правда, — отрезала она и прикрыла мне рот ладошкой.

Этот тоже провожал до самого такси.

Дверь мягко сумел закрыть и махал, пока не отвернулась.

— На базу, — послала мысленный сигнал.

Таксист кивнул.

В ухе тренькнуло:

— Как всё прошло? — тут же сквозь помехи и шум прошел вызов от товарища майора.

— Как обычно.

— Что?! И бронь сняли?! — не поверил военпред.

— Сразу.

— Как ты их обрабатываешь, ума не приложу! Опять перевыполнение плана по призыву будет в этом месяце!

— Так программа одна, — я зевнула. — Ничего нового.

— Да, ладно? И этого будешь ждать из армии? — съехидничал товарищ майор.

— Буду, — на полном серьезе ответила я. — Буду.

X 308

Всегда, когда смотрю в небо — зависаю. Не знаю, что со мной, только в голове щелчок и раз, выпал из реальности.

Не понимаю, когда прихожу в себя, как такое происходит, но ровно восемь секунд я не существую.

Вот и сейчас смотрю на толстые деревья вокруг — непроходимый дикий лес и не пойму, где я, и как здесь оказался.

Кругом зелень и органика.

— Кира? — неуверенно зову я, чувствуя, что потерялся. Куда могла пропасть моя несносная девчонка? Бросила одного? Опять искать дорого домой самому? Это же смотреть карту!

Не успеваю включить голограмму местности, как из листьев на дереве появляется Кира — свешивается вниз головой, цепляясь ногами за толстый сук. Я качаю головой.

— Кира! Я ведь испугался!

Напарница открывает рот и начинает заливаться птичьей трелью. Я слушаю. Важно киваю. Она у меня лингвист, специалист высокого уровня, спрашиваю:

— Это по какому?

Кира вздыхает.

— По-птичьему, Джонни, по-птичьему.

Я удивляюсь, но кажется, умело скрываю эмоции:

— Очень хорошо. И, что ты сказала?

— Откуда я знаю?! Я, что? Птица?!

Я кажется, снова притормаживаю, пытаюсь сложить логическую цепочку. Зачем тогда учить птичий язык, если не понимаешь в нем ничего? Иногда Кира меня убивает. Напарница делает сальто с дерева и ловко приземляется на ноги.

— Что? — спрашивает она и хмурится.

— Ничего, — я на всякий случай отступаю назад. Потом не удерживаю в себе и скептически спрашиваю, — птичий язык?

— Конечно. Что тут такого? Я ещё знаю язык ночного цветка.

Я висну. Прихожу в себя — Кира бежит вокруг меня кругами — бесится.

— Ну, Джонни! Ну, почему ты такой?! Тебе надо на тех-обслуживание! Ты же, виснешь постоянно!

— Мне, кажется, — медленно говорю я. — Я такой из-за тебя. — Прозрение пришло ко мне внезапно. — Кира, зачем тебе язык ночного цветка? — Я серьёзен, как никогда. Напарница мнется, старательно отводит глаза. Пинает прелую листву.

— Не знаю. Когда я с ним говорю, он раскрывается и начинает цвести.

Я смотрю на подругу. Вот больше нам делать нечего. Лучше бы х304 к дому приручили, а то живёт в коробке на складе и практически не разговаривает. И такой требовательный, когда голодный, до злобы. Что за жизнь? Разве такая разновидность бывает?

Не успеваю высказаться, Кира не даёт :

— Да, мне нравится, когда он расцветает! А расцветает цветок только тогда, когда я с ним говорю. В конце концов я

— женщина и мне нравятся мелочи вокруг.

Я смотрю на её хромированные руки и киваю, Кира — самая красивая женщина на этой планете и единственная. Другие не долетают и горят вместе со всем скарбом переселенцев в атмосфере. Мы первые и последние жители дикого мира, не считая, конечно, х304, но то, особая жизнь, независимая и, кажется, к нам не присоединившаяся.

Сегодня день X.

День, когда с неба падают горящие корабли. Необычное и незабываемое зрелище, полное огня, дыма, катастрофы и неровных останков от прилетевшей цивилизации.

Надо посмотреть.

Кира все ещё продолжает надеяться, что среди обломков найдётся жизнь. Я-то все давно понял и не хочу её расстраивать.

— Джонни, — звенит колокольчиком голос Киры, и я отмираю. Смотрю на подругу, та указывает в небо.

— Началось.

В небе уже горят корабли. Без остановки они сыплются из космоса, разваливаясь на ходу. Опять пропустил начало. Я вздыхаю, но Кира настаивает:

— Бежим!

Конечно, бежим, попробуй послушаться, потом после Киры починиться не сможешь, или гайки так завинтит, что полдня руку не сможешь поднять — знаю я её.

Мы двигаемся на предельной скорости на шум падения,

в надежде найти среди обломков жизнь. Но она сама находит нас. И дело не в X304, который несётся наперегонки с нами, прячась в кустах и используя деревья, думая, что мы его не видим. Дело в мальчике, вышедшего к нам навстречу из лесного пожара. Одежда на нем тлеет, и он её снимает, вяло отмахиваясь от мух. Мы останавливаемся друг на против друга.

Я выключаюсь.

Но быстро перезагружаюсь, боясь потерять контроль над событиями. Мальчик вытягивает руку, указывая на нас и восклицает:

— Роботы!

Из кустов выскакивает X 304, задрав трубой хвост он бежит к мальчику, громко и обидчиво мяукая. Есть хочет и жалуется на нас, не понять, что первое.

Ко мне так никогда не бегал!

— Кот! — ещё больше изумляется космонавт-переселенец.

— Приветствуем тебя, жизнь, — говорит Кира и поднимает руку в жесте мира.

— Ну ка, ну ка, — говорит мальчик, делает несколько шагов к напарнице и открывает у неё грудной люк. Кира терпит.

— О, Боги! Вы такие старые, — выдаёт ошеломленно мальчик, считывая информацию. — Кот тоже такой, старый? Где у него технологическое окно? Я хочу посмотреть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.